

Цѣна 5 коп.

1906

Среда, 18 января

СИГНАЛЫ

С.Петербургъ, В.О.Изд. 2.

ВЫПУСКЪ 2

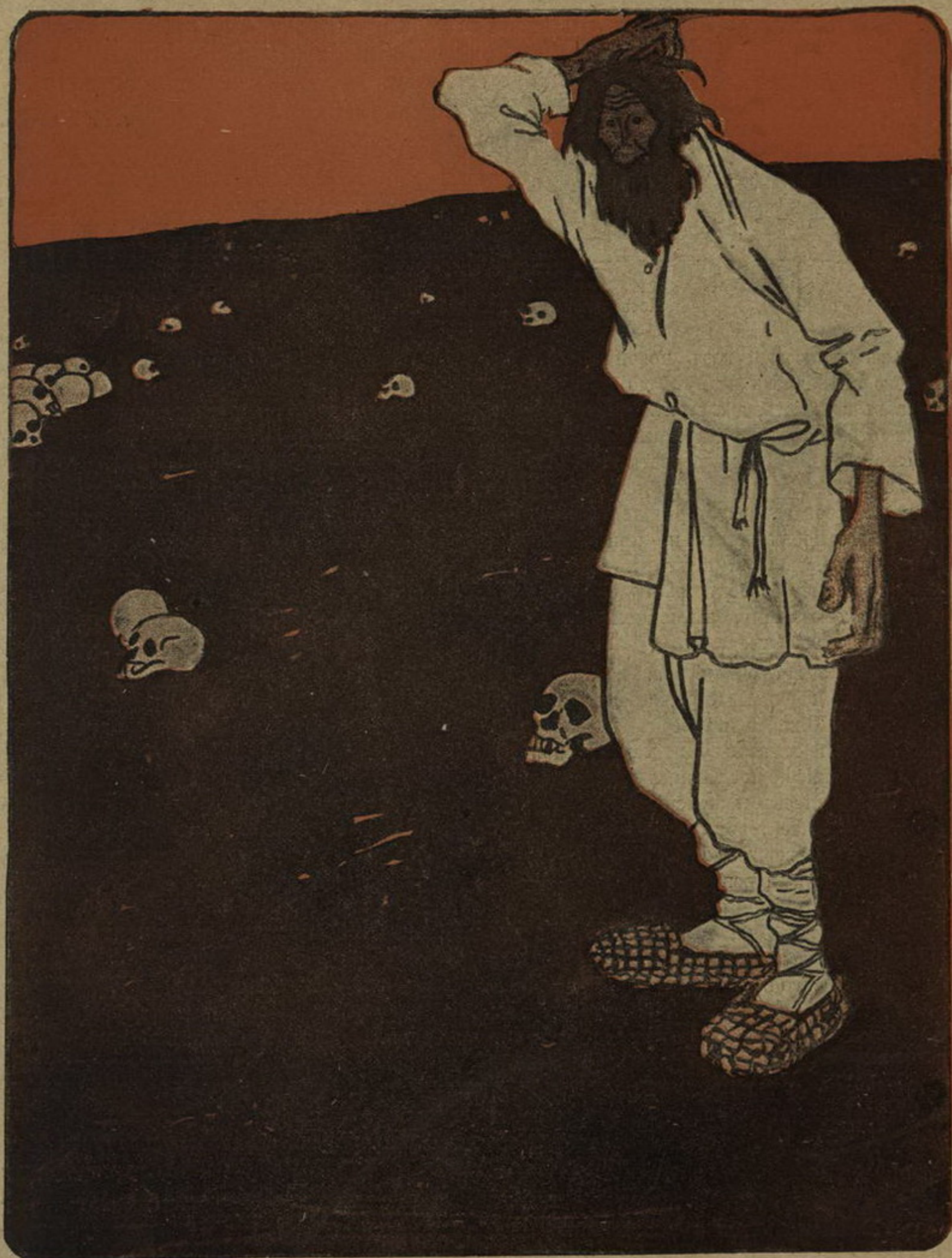

Рис. А. Лубимова.

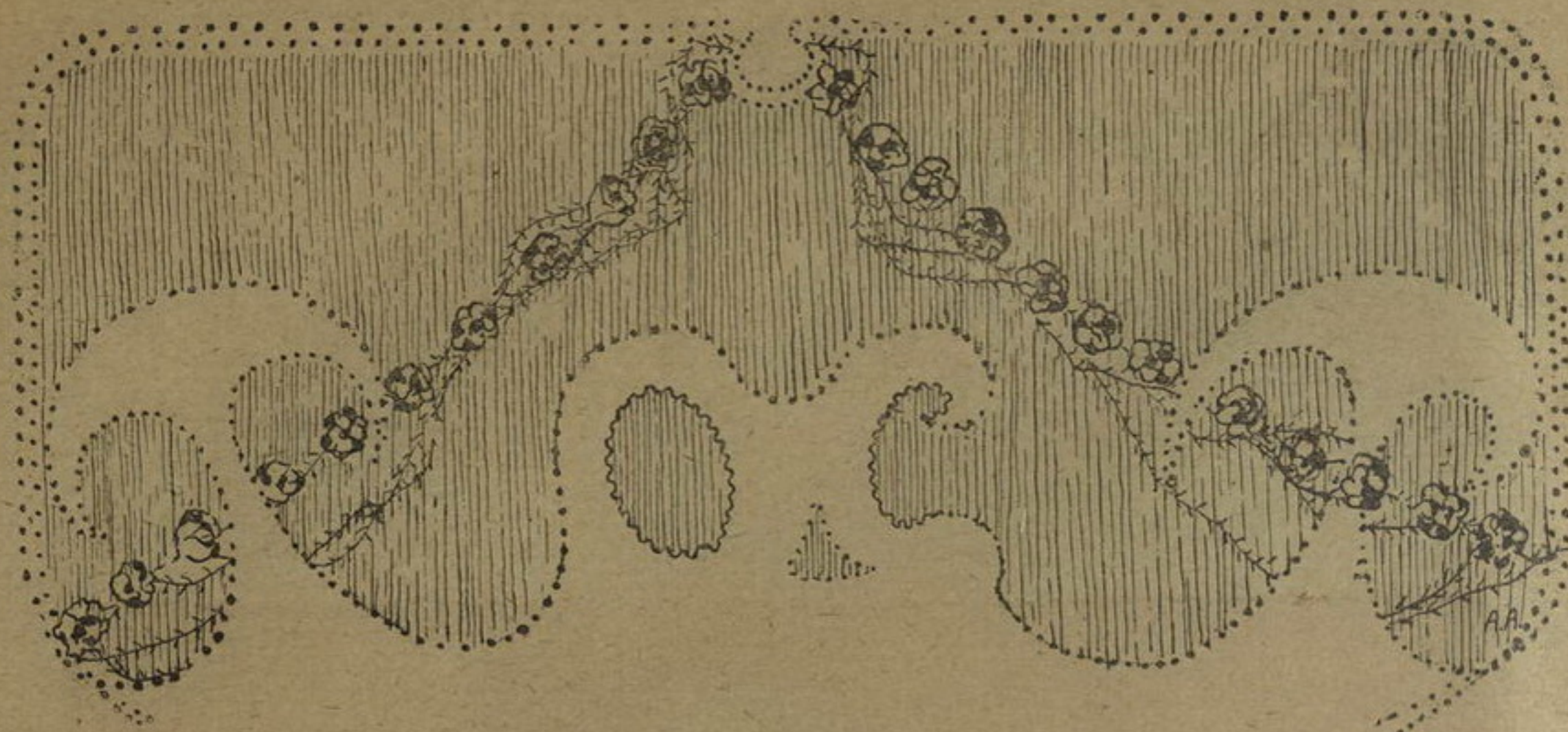

Рис. А. Арнштама

РАЗСКАЗЪ А. И. КУПРИНА.

Посвящаю Скитальцу (С. Г. Петрову).

Истекалъ двухсотый годъ новой эры. Оставалось всего пятнадцать минутъ до того мѣсяца, дня и часа, въ которомъ, два столѣтія тому назадъ, послѣдняя страна съ государственнымъ устройствомъ, самая упрямая, консервативная и тупая изъ всѣхъ странъ—Германія—наконецъ, рѣшилась разстаться со своей давно устарѣвшей и смѣшной національной самобытностью и, при ликованіи всей земли, радостно примкнула къ всемірному анархическому союзу свободныхъ людей. По древнему же, христіанскому, лѣтосчисленію теперь былъ бы канунъ 2906 года.

Но нигдѣ не встрѣчали новаго, двухсотого, года съ такимъ гордымъ торжествомъ, какъ на Сѣверномъ и на Южномъ полюсахъ, на главныхъ станціяхъ великой Электро-земно-магнитной Ассоціаціи. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ много тысячъ техниковъ, инженеровъ, астрономовъ, математиковъ, архитекторовъ и другихъ ученыхъ специалистовъ самоотверженно работали надъ осуществленіемъ самой вдохновенной, самой героической идеи II вѣка. Они рѣшили обратить земной шаръ въ гигантскую электро-магнитную катушку и для этого обмотали его съ сѣвера до юга спиралью изъ стального, одѣтаго въ гуттаперчу троса, длиною около четырехъ милліардовъ километровъ. На обоихъ полюсахъ они воздвигли электроприемники необычайной мощности и, наконецъ, соединили между собою всѣ уголки Земли безчисленнымъ множествомъ проводовъ. За этимъ удивительнымъ предпріятіемъ тревожно слѣдили не только на Землѣ, но и на всѣхъ ближайшихъ къ ней планетахъ, съ которыми у обитателей Земли поддерживались постоянныя сообщенія. Многіе глядѣли на затѣю Ассоціаціи съ недовѣріемъ, иные съ опасеніемъ и даже съ ужасомъ.

Но истекшій годъ — былъ годомъ, полнымъ блестящей побѣды Ассоціаціи надъ скептиками. Неистощимая магнитная сила земли привела въ движеніе всѣ фабрики, заводы, земледѣльческія машины, желѣзныя дороги и пароходы. Она освѣтила всѣ улицы и всѣ дома и обогрѣла всѣ жилыя помѣщенія. Она сдѣлала ненужнымъ дальнѣйшее употребленіе каменнаго угля, залежи котораго уже давно изсякали. Она стерла съ лица земли безобразныя дымовыя трубы, отравлявшія воздухъ. Она избавила цвѣты, травы и деревья—эту истинную радость земли—отъ грозившаго имъ вымирания и истребленія. Наконецъ, она дала неслыханные результаты въ земледѣліи, поднявъ повсемѣстно производительность почвы почти въ четыре раза!..

* * *

Одинъ изъ инженеровъ Сѣверной станціи, избранный на сегодня предѣвателемъ, всталъ съ своего мѣста и поднялъ кверху бокалъ. Всѣ тотчасъ же замолкли. И онъ сказалъ:

— Товарищи! Если вы согласны, то я сейчасъ же соединюсь съ нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станціи. Они только что сигнализировали.

Огромный Залъ Совѣщанія безконечно уходилъ въ даль. Это было великолѣпное зданіе изъ стекла, мрамора и желѣза, все украшенное экзотическими цвѣтами и пышными деревьями, скорѣе похожее на прекрасную оранжерею, чѣмъ на общественное мѣсто. Снаружи его стояла полярная ночь, но, благодаря дѣйствію особыхъ конденсаторовъ, яркій солнечный свѣтъ весело заливалъ и зелень растений, и столы, и лица тысячи пирующихъ, и стройныя колонны, поддерживавшія потолокъ, и чудесныя картины и статуи въ простѣнкахъ. Три стѣны

Залы Совѣщанія были прозрачны, но четвертая, спиной къ которой помѣщался предсѣдатель, представляла изъ себя бѣлый четырехугольный экранъ, сдѣланный изъ необыкновенно нѣжнаго, блестящаго и тонкаго сплава.

И вотъ, получивъ согласіе общества, предсѣдатель дотронулся пальцемъ до маленькой кнопки, заключенной въ столѣ. Экранъ мгновенно освѣтился ослѣпительнымъ внутреннимъ свѣтомъ и сразу точно растаялъ, а за нимъ открылся такой же высокій, уходящій вдаль прекрасный стеклянный дворецъ, и также, какъ и здѣсь, сидѣли за столами сильные, красивые люди, съ радостными лицами, въ легкихъ, сверкающихъ одеждахъ. И тѣ, и другіе, раздѣленные разстояніемъ въ 20.000 верстъ, узнавали другъ друга, улыбались другъ другу и въ видѣ привѣтствія подымали кверху бокалы. Но изъ за общаго смѣха и восклицаній они пока еще не слышали голосовъ своихъ далекихъ друзей.

Тогда опять всталъ и заговорилъ предсѣдатель, и тотчасъ замолчали его друзья и сотрудники на обоихъ концахъ земного шара.

И онъ сказалъ:

— Дорогіе мои сестры и братья! И вы, прелестныя женщины, къ которымъ обращена теперь моя страсть! И вы, сестры, прежде любившія меня, вы, къ которымъ мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте. Слава вѣчно-юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному Богу на землѣ — Человѣку. Воздадимъ хвалу всѣмъ радостямъ Его тѣла и воздадимъ торжественное, великое поклоненіе Его безсмертному уму!

Вотъ гляжу я на васъ—гордые, смѣлые, равные, веселые—и горячей любовью зажигается моя душа! Ничѣмъ не стѣсненъ нашъ умъ, и нѣтъ преградъ нашимъ желаніямъ. Не знаемъ мы ни

подчиненія, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилія, ни обмана. Каждый день разверзаетъ передъ нами цѣлыя бездны міровыхъ тайнъ, и все радостнѣе познаемъ мы безконечность и всеильность знанія. И самая смерть уже не страшитъ насъ, ибо уходимъ мы изъ жизни, не обезображенные уродствомъ старости, не съ дикимъ ужасомъ въ глазахъ и не съ проклятіемъ на устахъ, а красивые, богоподобные, улыбающіеся, и мы не цѣпляемся судорожно за жалкій остатокъ жизни, а тихо закрываемъ глаза, какъ утомленные путники. Трудъ нашъ—это наше наслажденіе. И любовь наша, освобожденная отъ всѣхъ цѣпей рабства и пошлости—подобна любви цвѣтовъ: такъ она свободна и прекрасна. И единственный нашъ господинъ—человѣческій геній!

Друзья мои! Можетъ быть, я говорю давно извѣстныя, общія мѣста? Но я не могу поступить иначе. Сегодня съ утра я читалъ, не отрываясь, замѣчательную и ужасную книгу. Эта книга—Исторія революцій XX столѣтія.

Часто мнѣ приходило въ голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелѣпой казалась мнѣ жизнь нашихъ предковъ, отдаленныхъ отъ насъ десятью вѣками.

Порочные, грязные, зараженные болѣзнями, уродливые, трусливые—они были похожи на омерзительныхъ гадовъ, запертыхъ въ узкую клѣтку. Одинъ кралъ у другого кусокъ хлѣба и уносилъ его въ темный уголъ и ложился на него животомъ, чтобы не увидалъ третій. Они отнимали другъ отъ друга жилища, лѣса, воду, землю и воздухъ. Кучки обжоръ и развратниковъ, подкрѣпленные ханжами, обманщиками, ворами и насильниками, натравляли одну толпу пьяныхъ рабовъ на другую толпу дрожащихъ идиотовъ и жили паразитами на гноѣ общественнаго разложенія. И

Рис. Вальтона.

земля, такая обширная и прекрасная, была тѣсна для людей, какъ темница, и душна, какъ склепъ.

Но и тогда среди покорныхъ вьючныхъ животныхъ, среди трусливыхъ пресмыкающихся рабовъ, вдругъ подымали головы нетерпѣливые, гордые люди, герои съ пламенными душами. Какъ они рождались въ тотъ подлый, боязливый вѣкъ—я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: „Да здравствуетъ свобода!“ И въ то ужасное кровавое время, когда ни одинъ частный домъ не былъ надежнымъ убѣжищемъ, когда насиліе, истязаніе и убійство награждались по-царски, эти люди въ своемъ священномъ безуміи кричали: „долой тирановъ!“

И они обагрjali своей праведной горячей кровью плиты тротуаровъ. Они сходили съ ума въ каменныхъ мѣшкахъ. Они умирали на висѣлицахъ и подъ разстрѣломъ. Они отрекались добровольно отъ всѣхъ радостей жизни, кромѣ одной, радости—умереть за свободную жизнь грядущаго человѣчества.

Друзья мои! Развѣ вы не видите этого моста изъ человѣческихъ труповъ, который соединяетъ наше сіяющее настоящее съ ужаснымъ, темнымъ прошлымъ? Развѣ вы не чувствуете той кровавой рѣки, которая вынесла все человѣчество въ просторное, сіяющее море всемірнаго счастья?

Вѣчная память вамъ, невѣдомые, вамъ, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то въ прозорливыхъ глазахъ вашихъ, устремленныхъ въ даль вѣковъ, свѣтилась улыбка. Вы провидѣли насъ, освобожденныхъ, сильныхъ, торжествующихъ, и въ великій мигъ смерти посылали намъ свое благословеніе.

Друзья мои! Пусть каждый изъ насъ тихо, не произнося ни слова, наединѣ съ собственнымъ сердцемъ, выпьетъ бокалъ, въ память этихъ далекихъ мучениковъ. И пусть каждый почувствуетъ

на себѣ ихъ примиренный, благословляющій взглядъ!...

И всѣ выпили молча. Но женщина необычайной красоты, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, вдругъ прижалась головой къ его груди и беззвучно заплакала. И на вопросъ его о причинѣ слезъ, она отвѣтила едва слышно:

— А все-таки... какъ бы я хотѣла жить въ то время... съ ними... съ ними...

А. Купринъ.

Рис. А. Арнштама.

Хроника.

— По слухамъ, ожидается забастовка ветеринаровъ. Сановники, вышедшіе въ отставку по болѣзни, сильно взволнованы этимъ извѣстіемъ.

— „Печать должна быть свободной“,—сказалъ приставъ и, накладывая печать на двери типографіи, обошелся безъ веревочки.

О. Д.

— Москва. Неизвѣстный человѣкъ положилъ бомбу съ фитилемъ у церкви Св. Симеона и скрылся. По изслѣдованіи бомба оказалась младенцемъ мужского пола двухъ дней отъ рожденія. Новорожденный революціонеръ тутъ же разстрѣлянъ подосланными войсками.

К. Барвинокъ.

Рис. Вал. тона.

„Міръ Искусства“.

Народная пѣсня.

(На мотивъ „По улицѣ мостовой“...)

Въ девятьсотъ во пятый годъ
Помиралъ въ Москвѣ народъ—
Не отъ гладу, не отъ мору,
Не съ лихого наговору,—
Нонче новая манерь:
Завелась въ Москвѣ эсь-эрь,
По всѣмъ улицамъ подъ-рядъ
Навалила баррикадъ,
Знамя красное воткнула,
Марсельезу затынула,
Завопила: „всѣхъ долой!“..
Не уйметъ и становой...

А Дубасовъ адмиралъ
Ночку не спалъ, не дремалъ,
Свою армію сряжалъ,
Мѣдны пушки заряжалъ...

Какъ пошли наши палить,—
Только дымъ столбомъ валить:
Палятъ сотни, палятъ роты,
Съ колоколенъ пулеметы,—
По грачамъ и по заборамъ,
По кухаркамъ, по соборамъ....
Поль Москвы съ пальбой прошли,
А эсь-эровъ не нашли....

Но сколь сильно не палили,
Мало пользы получили
Много дѣтушекъ побили,
А эсь-эровъ ни словили.
Ай люли, ай люли,
А эсь-эровъ не нашли!..

Селецкий.

Мысли и афоризмы Юмы Пруткова.

1.

Жена редактора склонность къ одиночеству имѣть.

2.

Не будь прокуроровъ, скажи, кто оскорблялъ бы
Его Величество.

3.

Не министерствуй!

4.

Подгибая коѣнни близъ офицера,—можетъ ли онъ
за жизнь твою поручиться?

5.

Не совсѣмъ понимаю, почему говорятъ— „изъ пятого
въ десятое“, а не „съ шестого на девятое“, это гораздо
остроумнѣе.

Андрей Леонидовъ.

Рис. А. Любимова.

Въ кабинетъ Витте.

Витте сидитъ у стола и пишетъ обѣими руками, причемъ правая не знаетъ того, что дѣлаетъ лѣвая.

Лакей (лицомъ похожій на сдого министра, докладываетъ): Осмѣлюсь доложить, депутація пришла.

Витте (забывшись.) Не слушаю... подь судъ.

Лакей. Ваше сія...

Витте (очнувшись.) А? Что? Петръ... Петръ... Тьфу! я, братецъ, все тебя путаю съ...

Лакей (обидѣвшись.) Тридцать лѣтъ я при васъ состою... Еще когда вы золотую валюту вводили...

Витте (раздраженно). Про золотую валюту ты мнѣ не говори. Понимаешь, они тоже вводятъ золотую валюту. Они тоже!

Лакей. Понимаю, это которые эсеры...

Витте. Такъ и напечатали — требовать уплаты золотомъ и полноцѣнной звонкой монетой. Они обкрадываютъ меня! Они крадутъ мои идеи. Это плагиатъ.

Лакей (услышавъ иностранное слово и сообразивъ, что бесѣда затянется.) Депутація пришла... Принять прикажете?

Витте (колеблясь). Какая изъ себя?

Лакей. Въ родѣ какъ бы правового порядка... съ бородкой, но безъ ножей...

Витте. И... и носъ не съ горбинкой?

Лакей. Никакъ-съ нѣтъ.

Витте. Собственно я люблю евреевъ, но какъ только вмѣшаюсь въ ихъ дѣла, такъ сейчасъ погромъ. Ужъ лучше не принимать ихъ депутаціи...

Лакей. Нѣтъ-съ, носъ правильный, православный.

Витте. Проси.

Депутація входитъ.

Депутація (кланяется). Имѣемъ честь просить, ваше сіятельство...

Витте. Кто вы?

Депутація. А мы, значитъ, союзъ третьяго декабря.

Витте (не разслушавъ.) Союзъ 17-го октября? Что-жъ, господа, въ добрый часъ. Очень оригинальное названіе союза. Семнадцатаго октября... Позвольте, что такое было семнадцатаго октября? Крушеніе... Нѣтъ, еще что-то было. Погодите, я сейчасъ вспомню. Семнад

цатое... Гм... да... Мученикъ Андрей Критскій... Есть! Эврика (обворожительно улыбается.) Да вѣдь семнадцатаго октября подписана конституція! (укоризненно) Какъ же вы забыли, господа, господа!

Депутація. Мы собственно...

Витте (качаетъ головой.) Нехорошо, нехорошо. Вы учреждаете союзъ и называете его именемъ того самаго дня, въ который воспрещены всякіе союзы.

Депутація. Ваше сіятельство хочетъ сказать „разрѣшены“.

Витте (вспыхивая.) Да, да, разрѣшены. Я это и хочу сказать. Знаете, такой безтолковый у меня секретарь: вѣчно перепутаетъ бумаги. Что разрѣшено, что запрещено — ничего не разберешь.

Рис. А. Любимова.

Депутація. Это точно. При конституціи недолго перепутать. Однако, мы не союзъ 17 октября, а 3 декабря.

Витте (въ изумленіи.) Да что вы! Этого не можетъ быть. Неужели 3 декабря тоже ввели конституцію? Совершенно не помню. Первую конституцію помню: Одесса, Кіевъ, Ростовъ на Дону, Томскъ и т. д. А вторую... хоть убейте, не припомню. Что же вамъ собственно угодно?

Депутація (кланяется въ ноги). Ваше сіятельство. Мы люди бѣдные, доходы наши маленькіе, что продадимъ, то заработаемъ. Газетчики мы, на углахъ улицъ стоимъ, можетъ быть, случалось видѣть...

Витте. Что же вы просите?

Депутація. Прикажете, ваше сіятельство, отмѣнить свободу печати. Никакой возможности стало торговать. Какой товаръ? „Правительственный Вѣстникъ“. Ну сами посудите. А публика спрашиваетъ. Вотъ мы и образовали общій союзъ „3 декабря“ противъ, значитъ, свободы печати, чтобы газеты продавать. Ваше сіятельство, отмѣните свободу печати: который день печатной строки не видѣли, ваше сіятельство!

Витте (гнѣвно). Вы крамольники и измѣнники. Какъ! Думать объ отмѣнѣ свободы, когда сами... когда ами... (звонить) эй, кто тамъ. Взять ихъ! человѣкъ!...

Входитъ человѣкъ, похожій на одного министра. Происходитъ неприкосновенность личности.

О. Д.

— „Министръ юстиціи сенаторъ Акимовъ въ бесѣдѣ съ чинами судебного вѣдомства высказался въ томъ смыслѣ, что судъ долженъ быть вполне независимымъ, считаться только со своей совѣстью и быть внѣ всякихъ вліяній“, — такъ сообщили газеты.

Тотчасъ же распространился слухъ объ его отставкѣ.

— Его степенство Эмиръ Бухарскій награди́лъ новаго министра юстиціи д. с. с. Акимова халатомъ второго разряда.

Н. Градовъ.

Гдѣ моя шапка?

Шаржъ О. Дымова.

У поэта Вячеслава Иванова былъ произведенъ обыскъ. Нагрянувшая полиція обыскивала также собравшихся для литературной бесѣды гостей. По окончаніи обыска оказалось, что пропала шапка поэта Д. С. Мережковского. Разказавъ этотъ случай въ газетѣ „Наша жизнь“, г. Мережковский съ искреннимъ и горестнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя шапка?

Многія лица, почувствовавъ, что отвѣтъ ожидается именно съ ихъ стороны, прислали въ редакцію „Сигналы“ слѣдующія разъясненія:

— Могу доказать свое alibi.

Алексѣевъ.

— Молитесь! Ежели найдется въ участкѣ — воистину будетъ чудо.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ.

Рис. А. Архипова.

— Въ государственную роспись доходовъ на 1906 годъ не включилъ.

В. Шиповъ.

— Это по вашей мнѣ дали?

Хилковъ.

— Прошу безъ намековъ.

Стессель.

— Котикова? Уступилъ японцамъ.

Профессоръ Мартенсъ.

— Неправда!

Братъ Нейдгартъ.

— Отправлена въ дѣйствующую армію для закиданія непріятеля.

Миценко.

— Передъ этой загадкой отступаю. Терпѣніе, терпѣніе — найдется.

Буропаткинъ.

— Походила на ермолку: повѣсилъ.

Курловъ.

— Шапка? Не шашка ли?

Корнетъ Фроловъ.

— 31-го декабря? ... 31-го декабря я былъ занятъ.

Корнетъ Оконевъ.

— Я отыщу ее на днѣ морскомъ.

Небогатовъ.

— Принялъ за свою и далъ молодецкій залпъ.

Ренненкамфъ.

— При вступленіи въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ сгорѣла на моей головѣ.

Дедюлинъ.

— Вспоролъ.

Кн. Мещерскій.

Къ читателямъ!

Въ виду того, что почти всѣ типографіи Петербурга до послѣдняго времени были закрыты, и намъ поневолѣ пришлось обратиться для печатанія предыдущаго номера въ первую попавшуюся типографію, журналъ нашъ до сихъ поръ — въ техническомъ отношеніи, былъ ниже нашихъ требованій.

Рис. А. Любимова.

Редакторъ - издатель В. Е. Турокъ.

Готовится къ выходу въ свѣтъ романъ князя Корни Чукотскаго:

Литературные очерки **„НЕ КСТАТИ“** Литературные очерки

Содержаніе: Поэзія мѣщанства. — Мережковский и чортъ. — Леонидъ Андреевъ. — Поединокъ „Куприва“. — Напыщенное безсиліе (Семенъ Юшкевичъ). — Объ Арцыбашевѣ. — Памяти Евг. Соловьева. — Жертва русской революціи (Вл. Короленко). — Безпочвенный почвенникъ (А. Л. Волынский). — Власть Дорошевичъ.

Цѣна 1 руб.

Сознавая вполнѣ необходимость культурнаго сатирическаго журнала, посвященнаго не двумъ-тремъ лицамъ, не двумъ-тремъ событіямъ, а внутреннему, бытовому, общественному укладу нашей родины, мы пригласили къ участию въ нашемъ журналѣ

Вас. Ос. 13 лин., д. 2.

„Сигналы“

Телефонъ № 20552.

слѣдующихъ литераторовъ и художниковъ: Allegro (П. С. Соловьева), В. А. Анзимировъ, М. П. Арцыбашевъ, кн. В. В. Барятинскій, К. Барвинокъ, Б. И. Бенговинъ (Импрессионистъ), Л. Василевскій, Зинаида Венгерова, Л. Вилькина, Л. Габриловичъ (Леонидъ Галичъ), О. Дымовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій (Владимиръ Ж.), Карменъ, Квидамъ (псевд.), А. И. Косоротовъ, Кулябко-Корецкій, А. И. Купринъ, Лоло, Вл. Ладыженскій, А. Любимовъ, Н. М. Минскій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, И. О. Осиповъ, А. де-Пальдо, С. Ф. Плевако, М. Пустынникъ, М. Свободинъ, Скиталецъ (О. Яковлевъ), Федоръ Сологубъ, Е. В. Святловскій, В. А. Тихоновъ (Мордвинъ), В. Е. Турокъ, Тэффи, Ф. Н. Фальковский, А. М. Хирьяковъ, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ, К. Чуковский, О. Н. Чюмина (Оптимистъ) и мн. др.

Открыта подписка на 1906 г. — Цѣна на годъ 3 руб. со всѣми приложеніями.

Редакторъ принимаетъ ежедневно, кромѣ среды, отъ 12—2 часовъ.